

М.В. Первушин
ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТРАСТЫ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(эволюция образа митрополита Ионы Киевского)

Аннотация: События политической истории России часто становились событиями русской литературы. Именно поэтому они оказывали влияние на историю литературы, в которой ярко выделяются образы героев этих событий. Одним из таких героев является святой митрополит Киевский Иона. Это, бесспорно, значимая фигура для русского православия и Русского государства. Он родился еще в 1390-х гг. в Галич-Мерском княжестве, а скончался 31 марта 1461 г. в Москве. С его личности начинается отчет независимости Русской Церкви от Константинопольской Патриархии. В статье представлена эволюция портретных изменений Ионы. Сначала раскрывается его летописный образ. Он зафиксирован его современниками и ближайшими потомками. Они судили об Ионе и его поступках сквозь призму своего представления о жизни и иногда мало понимали его. Затем рассматривается образ Ионы в его собственных литературных трудах, после же и в агиографической литературе. Определенная эволюция образа Ионы за столетие после его смерти объясняется органическим единством летописей, а также материалом «литературы чудесного» и их взаимном преломлении в сознании у книжника. Образ Ионы в литургической (гимнографической) литературе, которые отстоят от реальной жизни митрополита на полтора столетия, окончательно стирают границы между личностью земного героя и его небесного лика. Происходит рождение мифа.

Ключевые слова: древнерусская литература, имагология, образ, похвала, эпос, традиция, Иона, поэтика, святость.

Mikhail V. Pervushin
IMAGOLOGICAL CONTRASTS OF OLD RUSSIAN LITERATURE
(EVOLUTION OF THE IMAGE
OF METROPOLITAN JONAH OF KYIV)

Abstract: The article examines the imagological contrasts of Old Russian literature. The events of Russian political history often became events of

Russian literature. That is why they influenced the history of literature, in which the images of the heroes of these events stand out vividly. One such hero is St. Metropolitan Jonah of Kyiv. This is undoubtedly a significant figure for Russian Orthodoxy and the Russian state. He was born back in the 1390s in the principality of Galich-Mer, and died on March 31, 1461 in Moscow. With his personality begins the account of the independence of the Russian Church from the Patriarchate of Constantinople. The article presents the evolution of portrait changes of Jonah. First, his annalistic image is revealed. It is fixed by his contemporaries and closest descendants. They judged about Jonah and his deeds through the prism of their idea of life, and sometimes understood him little. Then the image of Jonah in his own literary works is considered. After the same and in hagiographical literature. A certain evolution of the image of Jonah in the century after his death is explained by the organic unity of the chronicles, as well as the material of the "literature of the miraculous" and their mutual refraction in the consciousness of the scribe. The image of Jonah in the liturgical (hymnographic) literature, which are a century and a half removed from the real life of the metropolitan, finally erase the boundaries between the personality of the earthly hero and his heavenly face. The birth of a myth takes place.

Keywords: Old Russian literature, imagology, character study, image, praise, epic, tradition, Iona, poetics, holiness.

Вводные понятия

Под имагологией будем понимать раздел сравнительно-исторического метода, возникший в литературоведении и изучающий образы, точнее, возможность передачи литературных образов при трансляции или представлении одной временной эпохи другой. Литературный образ произведения той или иной культуры должен быть представлен вместе с чертами этой культуры, чтобы стать понятным незнакомым с нею людям, поэтому имагология — это часть компаративистского литературоведения. Она изучает образы мира людей, их культуру, авторов, контекст, стереотипы сознания, стилистику и семантику текстов.

Вместе с тем Даниэль-Анри Пажо, стоявший у истоков имагологии, считал, что вопрос правдивости дискурса об этом образе некорректен и не должен быть целью литературоведческого исследования. Речь должна идти о законах построения этого дискурса, о принципах и приемах конструирования образа, о роли стереотипов в этом процессе [16, p. 139–140]. Таким образом, имагология открывает очень

важную проблему — проблему правды в литературе и — более широко — в искусстве. И в первую очередь эта проблема касается основных действующих лиц той или иной эпохи, героев ее исторических событий, потому что именно их образы (особенно святых) — это «архитектура любой зрелой национальной культуры» [7, с. 19].

Литература явилась той плодородной средой, где культ героя, его образ возникал, развивался и утверждался. Рассвет литературной героики, как принято считать, приходится на XVIII в. В это столетие героика наиболее полно нашла свое отражение в поэтическом прославлении исторических личностей, в создании развитого героического мифа. И если в XVIII столетии культ героя утверждался в народе посредством поэтического творчества, то в русской средневековой литературе место поэзии в формировании героического мифа играли, кроме фольклора, также панегирики и гимнография.

Об одном таком герое русской литературы, Русской Церкви, Русского государства и его образе хотелось бы вспомнить, тем более что в 2023 г. отмечалось 575 лет событию, к которому он был причастен, — автокефалии Русской Церкви. Речь идет о святителе Ионе, митрополите Киевском.

Святитель Иона, митрополит Киевский, бесспорно, значимая фигура для русского православия. Родился на рубеже последнего десятилетия XIV в. в Галич-Мерьском княжестве, скончался 31 марта 1461 г. в Москве. С его личности начинается отчет независимости Русской Церкви от Константинопольской Патриархии. Интерес исследователей к нему и к его времени огромен. Однако сказать, что жизнь святителя «достаточно хорошо» [14] изучена, не совсем верно. Достаточно хорошо исследованы источники, которые лишь отчасти приоткрывают завесу жизни святителя. Пробелы в них столь значительны, что не позволяют нам объяснить многого в поступках Ионы, раскрыть его мотивацию, дать однозначные ответы на вопросы его биографии. И, главное, сам образ святителя в имеющихся источниках омонимичен (если применить здесь «мягкий» лингвистический термин). Кроме того, усиливая актуальность материала, скажу, вторя Робину Коллингвуду [23, с. 235–236], что априорное воображение исследователя (помимо его знаний и критического метода) играет определяющую роль. Именно с его помощью он пытается наполнить внутреннюю идею конкретным содержанием, используя настоящее как свидетель-

ство его собственного прошлого. Идея целостности прошлого не-реализуема, но представима в воображении как цель и взаимосвязь имеющегося в наличии материала — источников, прочтение которых меняется в зависимости от интересов, вкусов и критико-аналитических методов воспринимающего времени, и, следовательно, любое воспроизведение опыта прошлого зависит от личности воспроизводящего и времени воспроизведения.

Возвращаясь к нашему герою и его образу, скажем об источниках, которые так или иначе очерчивают образы первого русского автокефального митрополита. Во-первых, это летописи, в которых отражена определенная точка зрения на людей и события истории, безусловно зависящая от личных симпатий и общественного положения летописца [2, с. 6], а крайне скудный фактический материал в них дополнен идеологически выверенными общими местами, необходимыми для своего времени. Во-вторых, это творчество самого митрополита Ионы: его послания, грамоты, слова, письма. В-третьих, это литературное осмысление жизни и деятельности митрополита: «Житие» святителя; «Похвала» ему; богослужебный канон, относящийся уже к гимнографическим источникам.

Летописный портрет

Разноречивы и скудны летописные известия о святителе. Имя его на страницах дошедших до нас различных летописных сводов встречается, но не так часто, как хотелось бы. Например, Новгородские и Псковские летописи, а также некоторые более поздние вообще не упоминают о нем. Другие же отмечают только дату его вступления на первосвятительство и/или дату смерти [39, с. 198, 205; 44, с. 184, 185; 47, с. 107–108; 48, с. 45; и др.]. Третьи отмечают только те события, которые были важны им для своих местных, региональных историй (например, в Тверской летописи митрополит Иона упоминается единожды в следующей фразе: «В лето 6966 поставлен бысть на Твери епископ Моисей; ставил его митрополит Иона в святем Спасе» [38, с. 496]). Конечно, по таким записям трудно составить полноценный образ столь значимого первосвятителя.

Однако есть и другие летописные своды, где встречаются несколько более подробные сведения, касающиеся митрополита Ионы: Софийский, Воскресенский, Львовский, Ермолинский, Вологодско-

Пермский, Московский конца XV в. и некоторые другие [35, с. 162–167, 175; 36, стб. 211–213, 277; 37, с. 117, 122; 40, стб. 61; 42, с. 251–272; 43, с. 152–160; 45, с. 266–277 и др.; 46, с. 203–247, 250–261 и др.]. Их изучению, сравнению списков, объяснению разногласий и повторов, а также соответствию реально происходивших событий с тем, что написано, посвящено большое количество литературы [10; 27; 51 и др.]. Вместе с тем каждый летописец, как и его читатель, по-своему расставляет акценты в тех немногих событиях, в которых участвовал святитель Иона, освещая их то в положительном ключе, то в нейтральном, то в отрицательном. Даже, казалось бы, о таком простом и традиционном повествовании про чудесное избавление столицы от осады оказывается можно написать по-разному. Имеется в виду рассказ о «скорой татарщине», когда князь Василий, застигнутый врасплох царевичем Мазовшей, бежал из Москвы, оставив в ней свою мать, с митрополитом Ионой и другими, ордынцы же зажгли посад и случилось бы непоправимое, если бы не чудо — вдруг, в одну ночь, неприятель ушел. Большинство летописцев умалчивают о роли молитв русского предстоятеля, хотя это кажется здесь общим местом, и лишь единицы приписывают это чудо подвигу молитвенного стояния митрополита Ионы [32, с. 131, 147; 33, с. 270; 34, с. 179, 277; 37, с. 123, 124], как, впрочем, и защиту от страшной бури в 1460 г. [34, с. 183].

Однако, пожалуй, самый спорный эпизод у комментаторов жизни святителя следующий: после ослепления князя Василия Васильевича, князь Димитрий Юрьевич Шемяка призывает к себе Иону и угрозами ли, хитростью ли, в приказном ли порядке, а может, как и единомышленника своего, убеждает съездить в Муром, за детьми опального князя, чтоб примириться и дать им и их отцу отчину. При успешном выполнении Ионой этого поручения Димитрий Юрьевич обещает ему митрополию. Святитель исполняет порученное, но князь вместо обещанной Ионе свободы своему племяннику Василию Васильевичу требует отправить его детей в Углич к отцу, в заточение. Святитель Иона безропотно исполняет и это требование Димитрия Юрьевича, а вернувшись, Иона (по указанию князя) садится в Москве на митрополичьем дворе [33, с. 268; 34, с. 175, 277; 37, с. 117–118; 46, с. 203].

Кто-то из исследователей оправдывает Иону [1; 14; 26; 50 и др.], кто-то считает его поступок корыстным, а его самого — ставленником князя Дмитрия [3; 6; 8; 10 и др.]. Однако аргументы у полеми-

зирующих неубедительны с обеих сторон. Остается авторский текст, который разнится от свода к своду. Лишь в одной летописи — Львовской [42, с. 260] — можно увидеть попытку объяснить логику поведения Ионы. Оказывается, князь Дмитрий Юрьевич Шемяка не просто решил поступиться своим словом относительно княжеских детей, но был готов и на большее: «Въсхоте топити их в реце в Волзе, в мехи ошивши», — пишет летописец. И только благодаря святителю Ионе, который, согласно автору летописной заметки, напугал князя Дмитрия «большую язву принять от Бога» [42, с. 260], Шемяка отступил от своей задумки об убийстве. Таким образом, Иона прекрасно понимал, что, сумев убедить князя Дмитрия сейчас не убивать детей, он уже и так сделал немало для их спасения. Начинать же разговоры о несправедливом заточении отроков вместе с отцом Ионе на тот момент было бесполезно. И поэтому, оставив на время попытки убедить Шемяку отпустить семью, святитель сам отвез детей к отцу в заточение, словно оберегая их от возможного покушения и уже не доверяя князю Дмитрию. Из двух зол он выбрал меньшее, но и малое зло не оставил без попытки исправить: «На всяк день не престаше глаголя: <...> неправду еси учинил, а меня еси ввел в грех и в сором <...> нынче яз во всей лжи. Выпусти его, сведи с моеи души и с своеи <...> многа же и ина рече» [34, с. 176; 37, с. 118; 51, с. 20].

Можно выделить еще несколько эпизодов о митрополите Ионе, которые вызывают порой неоднозначные интерпретации читателей. Так, например, после поставления на митрополию [32, с. 131, 146; 33, с. 269; 34, с. 162, 164, 277; 37, с. 121, 122, 149, 167; и др.] Иона рассылает окружную грамоту всему «христоименитому людству» об изменах князя Дмитрия и отлучении, наложенном на него всем «освященным собором», если он возобновит свои покушения на великого князя, «на христианское нестроение и кровь» [6, с. 249; 50, с. 403]. Но этого оказалось мало, и Иона с епископами сопровождает великого князя Василия Темного в его походе против князя Дмитрия Шемяки [34, с. 178; 37, с. 122]. Видимо, по мысли организаторов этого действия, иерархи должны были не только публично, но и лично уличить Шемяку. Странное действо, когда целый сонм священнослужителей вместе с главой Церкви выходят не на крестный ход до кремлевских стен, а в военный поход под Кострому против того, чья вина и так налицо, и ненужно ничего никому доказывать. Кто-то объясняет это

демонстрацией абсолютной лояльности власти, кто-то — реальной помощью князю Василию, подобно той, которую получил и его сын Иван, стоя на Угре, только уже не лично, а в виде корреспонденции.

Ту же лояльность находят исследователи и в эпизоде конфликта митрополита Ионы с Ростовским архиепископом Феодосием, возникшего из-за разрешения, данного последним, употреблять в пищу мясо в навечерие Богоявления (день строгого поста), который «прилучися... быти в день неделный» [30, стб. 598]. Крайней жесткости Ионы (намерение снять с Феодосия сан) противостояла великая княгиня Мария Ярославна, которая «отпечаловала» [34, с. 181, 234] архиепископа, взяв у того за свое ходатайство село Петровское. Доводы великой княгини в защиту Феодосия, увы, неизвестны летописцу, но оказались вполне приемлемы для сурового митрополита.

Просматривается лояльность ко власти и в истории с «дворцовым переворотом» [10, с. 137] в Тверском княжестве, когда епископ Моисей был сведен с кафедры и отправлен в Отроч монастырь, а вместо него «поставили Генадья Кожу на владычество; а ставили его на Москве... а ставил его митрополит Иона» [38, с. 496]. Видна она и в запрете поминать уже усопшего князя Дмитрия Шемяку. Этот характерно жесткий для святителя указ (даже «изошренный», как пишут некоторые исследователи [6, с. 268]) вызвал, пожалуй, самое эмоциональное и массовое негодование у его окружения (например, противники этому были: Евфимий Вяжицкий, Пафнутий Боровский, боярин В.Ф. Кутузов и др.).

Бороться с таким циничным отношением митрополита можно было только одним — своим личным непризнанием законности занимаемой им кафедры. Это было самое простое оружие, потому что «судьба митрополита Ионы несколько напоминает историю митрополита Михаила (Митяя)» [14]: своеволие великого князя, ставленник без благословения предшественника, наречение без собора, обеспеченный триумф за счет полной поддержки всех начинаний великого князя и подобное. Оказавшись в таком незавидном положении, «святитель Иона до конца своих дней вынужден был доказывать сомневающимся законность своего возвышения» [6, с. 249] и искать управы на негодующих [49, с. 191].

Образ святителя в летописях настолько литофаничен, что спектр восприятия его образа огромен — от коварного, лицемерного властолюбца до сурового аскета и великого молитвенника, который, со-

гласно одному из летописцев, даже уже лежа в гробу, выглядел не как мертвец, «но яко спящу показуюся, за преславное и великое его житие» [33, с. 273].

Образ в письменном наследии митрополита

Явная противоречивость оценок митрополита летописцами, сомнительность некоторых летописных сведений, дошедших до нас, делают особенно интересными собственные сочинения митрополита Ионы.

С одной стороны, можно порадоваться тому, что в настоящее время известно более 50 документов атрибутируемых первосвятителю. С другой — большинство из них подверглось безжалостной порче, так называемой «формулярной обработке» — из индивидуального письма (с помощью редактуры всего личного) создавался универсальный образец для написания новых документов, которые помещали в сборники-формулярники. Безусловно, и сами митрополичьи послания (в частности, их структура, способы описания каких-либо событий, явлений, распределение коммуникативных ролей, отношения коммуникантов и т. п.), подчинялись строгому литературному такту, свойственному тому времени [9, с. 95–123], и были выполнены в определенных этикетных формулах. С первых строк этих посланий можно видеть, например, однотипные перифрастические выражения с небольшой лексической вариативностью [13, с. 57]. Этикетность также прикрывает индивидуальность трудов святителя и создает дополнительные трудности для ее выявления.

В результате этого большинство письменных трудов митрополита характеризуется формулярной сухостью и стандартными этикетными фразами: «ведомо вы» [19, с. 321], «а ныне, сынове, Богу так извольше» [19, с. 321], «и того ради тое великое Божие дело състалося» [19, с. 321] (об избрании себя на первопрестол), «еще же, сынове, и о том благословляю вас, своих детей, чтобы есте во всем послушни были нашему сыну и брату» [19, с. 327] (в речи новгородцам о послушании своему архиерею), «всегда молится смирение наше... да будет твое боголюбие духовне спасително и телесне многолетно здраво» [19, с. 328] (новгородскому владыке Евфимию) и т. д. и т. п.

Все его послания дипломатически выверены. В одних святитель Иона предстает властным и жестким начальником, требующим без-

апелляционного подчинения своим словам, а в противном случае грозящий карами (далее курсив мой. — М.П.): «благословляю вас, *чтобы есте жили у него в послушании во всех его наказании духовных. И также бы есте и к церкви Божией пристояли и честь над ним чинили*» [19, с. 338] (мирянам о послушании духовнику), «и яз, митрополит всея Руси, дал есмь сию свою грамоту... — кто ни буди в том монастыре... *да дрѣжат и ходят по сей по моей грамоте въпрок ... он <настоятель> всяко с любовию духовною длѣжен есть попечение имети... о братьней потребе... да дрѣжит... общее богорадное житье... А кто данныя сеа наша грамоты уставление порушит и о сем нашем писании не радити начнетъ... из монастыря выслати... и таковой о сем и от нашего смирения примет казнь духовную и неблагословение*» [19, с. 334-335], «А игумену вашему такъже *приказал есмь дрѣжати вас о всем в любви и согласии... и яз приказал... и яз велел... и яз приказал...*» [19, с. 341] (наставления митрополита архимандриту и братии монастыря); «се яз Иона митрополит всея Руси *пожаловал... и яз ему приказал... тот монастырь строити... приказал есмь людей звати... и яз Иона митрополит всея Руси сам их сужу... кому прикажу свое место ведати*» [19, с. 346] (из жалованной грамоты) и т. п. Более того, святитель Иона мог быть и предельно саркастическим в своих посланиях, жалея адресата язвительно-ироничным словом: «Не вемы убо, како вас нареши? Зоветеся именем христиане, а живете, делающе злая дела» [19, с. 371] (из послания на Вятку воеводам и атаманом), «Лист твой, сыну, до нас пришел, и о всем на нем познав, подивилися есмя... и недоуменно нам показася: не вемы убо, еже в глубоку старость и в безпамятие дошел еси, или забытьем Божественных и священных правил, и противяся им, надъмением и гордостью поднимался» [19, с. 375] (из послания к Симеону, епископу Полотскому).

В других посланиях, к лицам светским, царским и княжеским особам, не находящимся в прямом подчинении митрополита, он менее резок, более доброжелателен и крайне почтителен: «*Слыша, что же вышняго Бога силою держишь свое государство... И на то надеася, на твое великое имя и дрѣжаву... И прошу великое твое господство... как тебе вышний Бог положит на сердце*» [19, с. 336] (к татарскому царю), «*прошу тебе, своего приятеля, о чем будет... надобе... доступити. И ты бы, наш приятель, просим тебе, о всех делех... печяловал, как ти выший Бог положит на сердце. А яз тебе, своему приятелю,*

кланяюсь... твоим, нашего приятеля, печалованием» (к князю) [19, с. 337].

К этим же адресатам даже более строгие (дисциплинарные) послания митрополита, например, «Ко князем не послушающим матери», удивительно мягки и осторожны: *«То, сынове, богопротивно дело де-лаете... и того ради вкратце писах вам... да в чювство придеите и во вседушевное покаяние чистыми сердци. И благословляю вас, своих детей, и чтобы есте, <у> своей матери... бы есте собе прощение взяли и честь бы есте к ней пошлую родительскую имели... и были бы есте ей всячески послушливы во всем, а обиды бы есте ей не чинили ни в чем... И мы за вас хотим и Бога молити...»* [19, с. 343–345] и т. п. Здесь активно идет в ход сослагательное наклонение, с обозначением желательности действия, и отсутствием повелительности и должествования как в выше цитированных отрывках посланий митрополита своим подчиненным.

Оригинальные послания святителя Ионы после редактуры для формулярников, к сожалению, не сохранялись. Однако встречается несколько посланий, у которых имеются варианты, причем с небольшими разночтениями. Эти варианты или вторые редакции порой очень ярко показывают, как безжалостно уничтожалась личность автора в угоду формуляру. Типичный пример тому — «Послание Ионы митрополита новгородскому владыце Евфимью о междоусобной брани и кровопролитии»:

— как начинается формуляр: «Благословение Ионы, митрополита Киевского и всеа Руси, о Святем Дусе возлюбленному сыну и брату нашему и съслужебнику нашего смирения архиепископу Великого Новагорода, отчины и дедины великого государя и о Святем Дусе возлюбленного сына нашего смирения благородного и благоверного великого князя Василья Васильевича, боголюбивому владыце Евфимью» [19, с. 328];

— как начинается вторая его редакция (вернее было бы назвать ее первой, ту, которую и писал, по всей видимости, первосвяtitель святителю): «Благословение Ионы, митрополита Киевского и всеа Руси, о Святем Дусе възлюбленному сыну и брату нашему и сълужебнику нашего смирения Еуфимью боголюбивому» [19, с. 331] (и далее титул: «архиепископу Великого Новагорода»).

Никакого официоза, гораздо теплее, с душой и пробивающейся через однотипные перифрастические выражения любовью адресанта к адресату. Если в целом говорить о посланиях митрополита Ионы святителю Евфимию, то, несмотря на подначальность второго первому и их временами сложные отношения, все они отличаются особой мягкостью слова: «сие вmale к тебе пишем» [19, с. 329], «прошу тебе, яко да не позазриши [осуди] смирению нашему» [19, с. 331], «сыну и брате» [19, с. 328–332, 413] (отмечу в скобках, что ни к одному архиерею нет такого обращения Ионы, как к Евфимию). А памятуя об их, еще раз скажем, непростых взаимоотношениях, выглядит это тенденциозно и, соответственно, не очень приглядно для Ионы. Этим же, впрочем, отличаются и его письма к власти имущим.

Есть еще один штрих к портрету святителя, вырисовывающемуся из его посланий. Сохранилось одно раннее произведение Ионы, когда он только-только стал местоблюстителем митрополичьего престола и до его избрания оставалось еще пятнадцать лет. Это «Послание Ионы епископа в Новград в Нижней, а в Печерский монастырь». Его датируют 1433 г. Только посмотрите, как он в нем пишет монахам Печерского Вознесенского монастыря: «вmale глаголю вашей любви» [19, с. 320], «молю вашу любовь» [19, с. 319], «настоятелю же вашему... должное... предлежит... о вашей духовной ползе попечение имети. А вы бы к нему духовное покорение и послушание имели... вы бы ему были послушнии о всем» [19, с. 320] и т. п. И здесь тоже можно наблюдать сослагательное наклонение, с обозначением желательности действия, как и в посланиях князьям, а также — мягкость и нежность слова.

В целом же в своем раннем произведении митрополит Иона предстает человеком крайне осторожным, неконфликтным, предельно мягким, внимательным и любвеобильным. Этот словесный портрет можно нарисовать и при чтении посланий власти предержащим. В дальнейшем, когда сам святитель получил власть, характер его писем меняется в более жесткую сторону. Даже если верить указанию О.А. Абеленцевой, автору последнего крупного исследования про святителя Иону, что тексты для формулярников не подвергались уж слишком значительной обработке [1, с. 26–27] (в чем есть, конечно же, определенные сомнения), а все послания святителя были сделаны с аутентичных документов (здесь О.А. Абеленцева ссылается на Л.В. Черепенина [53, с. 12, 18–25]), то придется тогда признать, что

сочинения митрополита со временем становятся безличны, сухи, насыщены канцеляризмами и в целом рисуют портрет строгого начальника, взыскающего к одним, но вместе с тем предельно мягкого и небеспристрастного к другим.

Образ в Житии

Житие, как и летописные источники, приводит крайне мало фактических сведений о жизни и деятельности митрополита Ионы. «Создается впечатление, — пишет О.А. Абеленцева, — что биографические данные, если и были зафиксированы при жизни или в ближайшее время после кончины митрополита Ионы, то сохранились лишь случайно и фрагментарно» [1, с. 55]. Но, вероятнее всего, продолжая мысль исследовательницы, биографические данные святителя просто никто не фиксировал (о причинах умолчу).

Житие митрополита Ионы известно на сегодняшний день в трех редакциях. Все они написаны во второй трети XVI в. Начало исследованию этого памятника положил В.О. Ключевский [22, с. 242 и далее]. Продолжили его труды А.П. Кадлубовский [20, с. 220–224], Я.С. Лурье [25, с. 270–273], Е.В. Белякова [4, с. 171–178] и Л.П. Найденова [5, с. 137–138], а также А.С. Усачев [15]. Последний скорректировал соотношение редакций Жития, поставив на второе место так называемую третью редакцию, которая и послужила, по мнению исследователя, источником второй [15, с. 6–7]. Таким образом, третья редакция стала логичным продолжением и расширением первой, а вторая — ее сокращенным вариантом.

Третьей редакцией, как самым объемным сочинением о митрополите Ионе и вместе с тем самым полным, включающим в себя и первую и вторую редакции, и воспользуемся для раскрытия образа первосвятителя.

Основная черта начального периода жизни митрополита Ионы — его полная самостоятельность в выборе своего жизненного пути и в понесенных подвигах. С двенадцати лет он «Христовы любви прилепился» [31, с. 22], а потому «отвержеся мирския любви и родительска спребывания» [31, с. 22], «постное изволи житие» [31, с. 22], «во мнишескии облечеся образ» [31, с. 22] (курсив мой. — М.П.; даже в таком действе автор сумел подчеркнуть самостоятельность Ионы). Его монашеские подвиги описаны кратко, но емко: «трудолюбно подвизаше-

ся» [31, с. 22], «со тщанием прилежаше» [31, с. 22], «нудяше себе» великим воздержанием и трудом [31, с. 22], «внимаше же Божественных книг писанию, страхом Божиим себе оградив» [31, с. 23], «сердце свое жилище Троицы устрояше» [31, с. 23]. В результате таких подвигов монах Иона «чист ум стяжа» [31, с. 23], «смиреномудрие же и любовь имеяше» [31, с. 22], «молитву во уме непрестанну имущи» [31, с. 23], «к Богу приближаяся» [31, с. 23]. И, как следствие, «пришед Христос вселися в того <т. е. Иону> со Отцем и Святым Духом» [31, с. 23] и «разум о всем и слово утешения даровася ему» [31, с. 22].

Согласно агиографу, святитель Иона любил монашество, поэтому и «о подвизи иноческом велико попечение име» [31, с. 23]. Это попечение выражалось в создании с некоторыми другими иноками, живущими с ним в обители, группы благочестия (т. е. своеобразной «полиции нравов»), которая следила за тем, чтобы в монастыре «никакову безсчинию, ни мятежу бывати» [31, с. 23]. Эта группа не давала спуска даже самому настоятелю — «ни самому архимандриту не попускаху о неисправлении благозакония» [31, с. 23], — из-за чего «многу скорбь и печаль приимаху от архимандрита в обители тоя, и о сих не стужахуси» [31, с. 23].

Став епископом не по своей воле, а «благоволением Божиим и избранием самодержьца и всего священнаго Собора» [31, с. 23], Иона продолжает свои подвиги, но уже апостольского характера, соотнося их с полученному сану. Он и «многи неверныя к Богу обрати» [31, с. 24], «велико попечение о пастве имея» [31, с. 24], «без лености поучаше» [31, с. 24], «на истинный путь направляше» [31, с. 24]. И результат его деяний сразу налицо: «всеми людьми любим бяше» [31, с. 24], «слово его в сладость приимаху» [31, с. 24].

Но, когда святитель Иона вдруг становится кандидатом на митрополичий престол — «наречен и благословен на митрополию» [31, с. 36], его бывшая самостоятельность и решительность испаряются. Он растерян, смущен, испуган. Перед ним встают важные государственно-политические и церковно-общественные вопросы, но никаких действий он сам словно и не предпринимает для их решения. Если и отправляется он в Константинополь, то «великий князь посылает его» [31, с. 26], если возвращается он оттуда, то лишь потому, что «отпущен бысть» [31, с. 26]. История с предательством князя Дмитрия Шемяки также пестрит повелительным наклонением «да идет» [31,

с. 35], «да возьмет» [31, с. 35], «шед возьмеша» [31, с. 35], «повеле ити» [31, с. 36], «приде повеле ему жити на дворе митрополича» [31, с. 36] и т. п. Он попадает в совершенно незнакомую и чуждую ему среду, которая его не очень-то и принимает. Он не знает, как себя в ней вести. Он способен самостоятельно только, пожалуй, молиться («молебная совершив» [31, с. 35] — это его решение, и делает он это сам, без чьих-то указаний или подсказок) или укорять и указывать на ошибки — «не усрамися обличати неправдование... не престааша глаголя» [31, с. 36].

Но, когда наконец святителя Иону «преже Богом избраннаго и от Святого Духа назнаменнаго» [31, с. 34] все-таки «поставиша на превеликии престол Руския митрополия» [31, с. 37], тогда он вновь приобретает уверенность и решимость действовать так, как он вел себя, став епископом в Рязани. Поняв, что перед ним не политические интриги, не государственные дела, а «Богом порученное ему стадо» [31, с. 39], святитель Иона вновь, «ревность по Бозе имея» [31, с. 38], «благочестие исправить» [31, с. 38], «всюду богодухновенное учение простирааша» [31, с. 38], «писание всюду посылая» [31, с. 38], «душеполезна учения предлагаша» [31, с. 39], «церкви ставиша» [31, с. 55, 56] и т. п. И незамедлительно он получает подтверждение правильности своих действий — «и дарова ему Бог благодать чудотворения» [31, с. 39]. Причем прижизненные чудотворения святителя имеют суровый иноческий, патериковый характер. Они аскетично-молитвенны, безэмоциональны, порой жестки, где-то даже безжалостны и грозны. Лишь немногие счастливицы по его прижизненным молитвам выздоравливают, возвращаясь к прежней жизни, многие другие по одному его слову умирают за невинные, казалось бы, проступки: «...в тои час паде он на земли безгласен, ничтоже могии глаголати, точию очима зря, и по мале и душу изверже» [31, с. 40].

Теперь уже святителя молят об участии в каких-то общественных или политических процессах, а не приказывают, как было в период местоблюстительства: «Великии же князь... умоли же великого святителя Иону митрополита, яко да идет с ним, взем с собою епископы... святитель же Христов Иона со епископы поиде» [31, с. 41].

Таким образом, из сурового, требовательного к себе и другим монаха-молитвенника, с двенадцатилетнего возраста живущего в монастыре, через неуверенного, теряющегося в своих обязанностях и непони-

мающего своих прав местоблюстителя святитель Иона превращается в грозного предстоятеля. Он «не горделев бяше, ниже низок, но якоже подобает святителю» [31, с. 38], — пишет о нем агиограф. «И непокаяющаяся к нему врачует и смягчит, к кротости дерзость примешая» [31, с. 38]. Сила его слова потрясает. Оно способно поражать насмерть грешника, отгонять полчища врагов и воскрешать мертвых. Перед читателем вдруг встает исполин веры, один от древних, апостол, который уже при жизни способен изменять «естества уставы» [21, с. 69].

Славословный или гимнографический образ

В 1596 г. (5/18 октября) Святейшим Патриархом Иовом был установлен праздник в честь первосвятителей русских Петра, Алексия и Ионы. Это празднование было положено по аналогии с установленным Вселенской Церковью днем памяти одновременно трем Вселенским учителям и святителям Василию, Григорию и Иоанну, помимо празднований, положенных каждому из трех в отдельности. Установление праздника потребовало новых текстов, которые не заставили себя долго ждать. Один из талантливейших гимнографов конца XVI — начала XVII в., автор значительного числа служб русским святым и чудотворным иконам Божией Матери, написавший акафист преподобному Сергию Радонежскому, князь Симеон Иванович Шаховской пишет Похвалу и канон на новый праздник трем русским святителям, вновь обращаясь и к фигуре святителя Иова в том числе.

К сожалению, рукописи и канона, и Похвалы не изданы, как и большинство других произведений князя. Рассматриваемый канон трем святителям находится в Сборнике XVII в. из фундаментального собрания библиотеки МДА [28] (подробнее о каноне С.И. Шаховского см. у Е.Г. Малюты [11]).

Автор канона объединил трех святителей в одно целое, создал неделимый образ «трисиятельного солнца» [28, л. 224], «просвещающего весь мир» [28, л. 223 об.], как «светильницы сущим во тьме» [28, л. 241 об.]. Вообще, надо сказать, что световая метафоричность явилась важной составляющей гимнографии XVI в. И в этом плане С.И. Шаховской, использовавший многочисленные традиционные вариации «светового» мотива [12], неоригинален.

Вместе с тем неделимость в каноне образа Ионы от двух других святителей с лихвой восполняет Похвала, в которой каждому из

трех святителей посвящена отдельная ее часть. Она также находится в Сборнике XVII в. из фундаментального собрания библиотеки МДА. Сборник составлен из сочинений князя С.И. Шаховского [29].

Автор Похвалы показал совершенно другого святителя Иону, отличного от всех тех образов, которые были рассмотрены выше. С.И. Шаховской, несомненно, пользовался Житием святителя. Это видно по сюжетной канве того отрывка в Похвале, где говорится об Ионе. Однако у гимнографа он становится стремительным, неуловимым, молниеносным и порывистым. Он и является, и прилепляется, и уклоняется, и приближается, и постригается, и отвергает, и не дает, и подвизается, и наставляется, и приемлет, и приносит, и принимает, и творит, и подражает, и тщится исправить, и не обращается вспять, и восприемлет, и ограждает, и стяжает, и внимает, и прославляет, и почитает, и сохраняет, и одновременно с этим он и хочет быть, и желает, и молит, и вопиет, и вперивает, и даже — девствует (!).

И эти глаголы взяты только с одного (sic!) рукописного разворота [29, л. 247 об. – 248]. Причем ни один глагол не повторяется дважды. Само же повествование об Ионе занимает всего около десяти листов или двадцати страниц текста Похвалы. Такой динамический образ митрополита потрясает. За молниеносно меняющейся во времени и пространстве повествования фигурой святителя просто невозможно уследить, не говоря уже о формировании какого-то статичного его портрета. Даже метафоры С.И. Шаховского в адрес Ионы динамичные: если источник — то «живый будет» [29, л. 251 об.] (т. е. бьющий, струящийся); если, казалось бы, «камень краеугольный» [29, л. 247] — то тот, который «связуя всех» [29, л. 247]; если свеча — то не просто светит, а так, будто «свеща возгорется» [29, л. 251 об.]; если луна — то обязательно «сияюще» [29, л. 249 об.], а не только посреди звезд.

Яркость образа Ионы бесспорна, но вместе с тем масштабность ему добавляет выделяющий эпитет «великий» [29, л. 247, 249, 250]. Несколько раз автор использует его по отношению к митрополиту на протяжении своей Похвалы, иногда даже поясняя, что он означает «и силу, и высоту, и славу» [29, л. 247], заключая, что «великого Иону Бог устроил» [29, л. 247], тем ставя его на недостижимую, для смертных, высоту святости.

Заключение

Итак, события политической истории России, как правило, становились и событиями литературными. Социальные переживания этих событий оказывали влияние и на историю литературы, в которой особенно ярко выделяются образы героев этих событий. Одним из таких героев, бесспорно, является святой митрополит Иона.

Цепочка портретных изменений святителя — от черт, зафиксированных в летописях его современниками и ближайшими потомками, отчасти мало понимавшими его самого и потому судившими о нем и его поступках сквозь призму своего представления о жизни, далее через агиографический образ, сформировавшийся за сто лет на основании органического единства как летописей, так и материала чудесного в его преломлении в сознании у книжника, и так до гимнографических памятников, отстоящих от митрополита на полтора столетия и окончательно стирающих границы жизни земного героя и небесного. Следя за этой цепочкой, можно наблюдать теогонию — рождение мифа, в том его понимании, на которое указывает А.Ф. Лосев («это чудо», «это сама жизнь» [24, с. 40, 478 и др.]), о котором говорит священник Павел Флоренский («...это возведенная в тип сама действительность...» [52, с. 601]), о котором пишет Н.А. Бердяев («...миф не означает чего-то противоположного реальному, а, наоборот, указывает на глубочайшую реальность...» [18, с. 57]).

Жизнь святителя такой литературной историей постепенно доведена до мифологического стандарта, превращена в символ события, в символ эпохи. Личностный исторический контекст, или биографический нарратив, которого не так уж и много было у святителя Ионы, нужен теперь ему ровно настолько, насколько его миф должен будет соответствовать представляемому событию. Жизнь превращается в текст, а текст предназначается для того, чтобы его проживать, только уже читателю. В этом промежутке как таковая проблема несоответствия, которая часто возникает в литературе между фигурой реально существующего героя и его авторским образом, не стоит. Остальное в литературе займет описание внутреннего пути личностного развития героя, который, преодолевая грани внешней объективной фактичности и раскрывая фактичность идеальную (согласно терминологии М.М. Бахтина [17, с. 145]), получит, а точнее, унаследует от Бога уже

в этой жизни черты горнего мира, что мы и наблюдаем на примере образов святителя Ионы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 468 с.
- 2 *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерки развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. 347 с.
- 3 *Алексеева С.В.* Региональные особенности развития Руси в княжеских уособицах второй четверти XV в. история Галича Мерьского и Галичской земли // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 98–130.
- 4 *Белякова Е.В.* Об одном источнике жития митрополита Ионы // Архив русской истории. М.: Археографический центр, 1992. Вып. 2. С. 171–178.
- 5 *Белякова Е.В., Найденова Л.П.* Житие митрополита Ионы как источник по истории канонизации святых в Русской Церкви // Проблема святых и святости в истории России. М.: Наука, 2006. С. 134–142.
- 6 *Борисов Н.С.* Василий Темный. М.: Молодая гвардия, 2020. 316 с.
- 7 *Замостьянов А.А.* Русская героика. Очерки из истории литературы. М.: АНО «Переправа», 2010. 236 с.
- 8 *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- 9 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1971. 414 с.
- 10 *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
- 11 *Малюта Е.Г.* О малоизвестном третьем каноне Трем Святителям Московским (авторства князя С.И. Шаховского) // Modern Humanities Success. 2023. № 4. С. 146–149.
- 12 *Первушин М.В.* Несколько взглядов на одну жизнь: литературные образы князя Всеволода Псковского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 507–525. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-507-525
- 13 *Суббот А.Г.* Перифрастические выражения в посланиях XIV–XVI веков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 8. С. 55–59.
- 14 *Тарасов А.Е.* «Нареченный в Святейшую Митрополию Русскую...». URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/071017115147.htm> (дата обращения: 15.04.2023).

- 15 Усачев А.С. Житие митрополита Ионы третьей редакции // Вестник церковной истории. 2007. № 2 (6). С. 5–16.
- 16 Pageaux D.-Y. De l'imagerie culturelle à l'imaginaire // Précis de littérature comparée. P., 1989. P. 133–161.

Источники

- 17 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- 18 Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.
- 19 Грамоты и послания митрополита Ионы // Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 319–449.
- 20 Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерусских Житий святых. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1902. 389 с.
- 21 Каноны празднику Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Балашиха; Владимир: Граф Цеппелин, 2006. 79 с.
- 22 Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 512 с.
- 23 Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
- 24 Лосев А.Ф. Диалектика мифа: дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с.
- 25 Лурье Я.С. Житие Ионы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 270–273.
- 26 Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 3. 702 с.
- 27 Насонов А.Н. История русского летописания IX — начала XVIII века. М.: Наука, 1969. 555 с.
- 28 ОР РГБ. Ф. 173/І. № 203. Л. 223–241 об.
- 29 ОР РГБ. Ф. 173/І. № 213. Л. 213–263 об.
- 30 Памятники древнерусского канонического права. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Ч. 1: Памятники XI–XV в. 1466 стб.
- 31 Повесть имат сказание собрано отчасти жития и чудотворения иже во святых отца нашего Ионы, митрополита всея Руси // Вестник церковной истории. 2007. № 2 (6). С. 17–60.
- 32 ПСРЛ. СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 4. 360 с.
- 33 ПСРЛ. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. 5. 280 с.
- 34 ПСРЛ. СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 6. 358 с.
- 35 ПСРЛ. М.: ЯРК, 2000. Т. 6. Вып. 1. 320 с.
- 36 ПСРЛ. М.: ЯРК, 2001. Т. 6. Вып. 2. 240 с.
- 37 ПСРЛ. М.: ЯРК, 2001. Т. 8. 312 с.
- 38 ПСРЛ. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1863. Т. 15. 504 с.
- 39 ПСРЛ. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1889. Т. 16. 320 с.
- 40 ПСРЛ. СПб: Тип. М.А. Александрова, 1907. Т. 17. 612 с.

- 41 ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 20. Ч. 1. 418 с.
42 ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1914. Т. 20. Ч. 2. 266 с.
43 ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 23. 342 с.
44 ПСРЛ. Пг.: 2-я гос. тип., 1921. Т. 24. 272 с.
45 ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. 464 с.
46 ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 26. 413 с.
47 ПСРЛ. Л.: Наука, 1977. Т. 33. 250 с.
48 ПСРЛ. Л.: Наука, 1982. Т. 37. 228 с.
49 Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.
50 Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг.: 9-я гос. тип., 1920. 494 с.
51 Приселков М.Д. История русского летописания IX–XV вв. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1940. 188 с.
52 Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.
53 Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 427 с.

REFERENCES

- 1 Abelentseva, O.A. *Mitropolit Iona i ustanovlenie avtokefalii Russkoi Tserkvi* [Metropolitan Jonah and the Establishment of Autocephaly of the Russian Church]. Moscow, Al'ians-Arheo Publ., 2009. 468 p. (In Russian)
- 2 Alekseev, Iu.G. *U kormila Rossiiskogo gosudarstva: Ocherki razvitiia apparata upravleniia XIV–XV vv.* [At the Helm of the Russian State: Essays on the Development of the Administrative Apparatus of the 14th–15th Centuries]. St. Petersburg, S.-Peterburg University Publ., 1998. 347 p. (In Russian)
- 3 Alekseeva, S.V. “Regional'nye osobennosti razvitiia Rusi v kniazheskikh usobitsakh vtoroi chetverti XV v. istoriia Galicha Mer'skogo i Galichskoi zemli” [“Regional Peculiarities of the Development of Russia in the Princely Strife of the Second Quarter of the 15th Century. The History of Galich Mere and the Galich Land”]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the History Department of St. Petersburg University], no. 1, 2010, pp. 98–130. (In Russian)
- 4 Beliakova, E.V. “Ob odnom istochnike zhitia mitropolita Iony” [“On a One Source of the Hagiography of Metropolitan Jonah”]. *Arhiv russkoi istorii* [Archive of Russian History], vol. 2. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1992, pp. 171–178. (In Russian)
- 5 Beliakova, E.V., and L.P. Naidenova. “Zhitie mitropolita Iony kak istochnik po istorii kanonizatsii sviatykh v Russkoi Tserkvi” [“Vita of Metropolitan Jonah as a Source on the History of Canonization of Saints in the Russian Church”]. *Problema sviatykh i sviatosti v istorii Rossii* [Problem of Saints and Sainthood in the History of Russia], Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 134–142. (In Russian)

- 6 Borisov, N.S. *Vasilii Temnyi* [*Vasily The Dark*], Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2020. 316 p. (In Russian)
- 7 Zamost'ianov, A.A. *Russkaia geroika. Ocherki iz istorii literatury* [*Russian Heroics. Essays from the History of Literature*]. Moscow, ANO "Pereprava" Publ., 2010. 236 p. (In Russian)
- 8 Zimin, A.A. *Vitiaz' na rasput'e: Feodal'naiia voina v Rossii XV v.* [*Knight at the Crossroads: Feudal Warfare in Russia in the 15th Century*]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 286 p. (In Russian)
- 9 Lihachev, D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [*Poetics of Old Russian Literature*]. Leningrad, Hudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 414 p. (In Russian)
- 10 Lur'e, Ia.S. *Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i ofitsial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva* [*Two Histories of 15th Century Russia: Early and Late, Independent and Official Chronicles on the Formation of the Moscow State*]. St. Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 1994. 240 p. (In Russian)
- 11 Maliuta, E.G. *O maloizvestnom tret'em kanone Trem Sviatiteliam Moskovskim (avtorstva kniazia S. I. Shahovskogo)* [*On the Little-known Third Canon to the Three Saints of Moscow (by Prince S.I. Shakhovskiy)*]. *Modern Humanities Success*, 2023, no. 4, pp. 146–149. (In Russian)
- 12 Pervushin, M.V. "Neskol'ko vzgliadov na odnu zhizn': literaturnye obrazy kniazia Vsevoloda Pskovskogo" ["Several Views on One Life: Literary Images of Prince Vsevolod of Pskov"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 19. Ed.-in-chief O.A. Tufanova, ex. ed. E.A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 507–525. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-507-525 (In Russian)
- 13 Subbot, A.G. "Perifrasticheskie vyrazheniia v poslaniakh XIV–XVI vekov" ["Periphrastic Expressions in the Epistles of the 14th–16th Centuries"]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [*Bulletin of I. Kant Baltic Federal University*], vol. 8, 2011, pp. 55–59. (In Russian).
- 14 Tarasov, A.E. "Narechennyi v Sviateishuiu Mitropol'iu Russkuiu..." ["Named to the Most Holy Metropolis of Russia..."]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/071017115147.htm> (Accessed 15 April 2023). (In Russian).
- 15 Usachev, A.S. "Zhitie mitropolita Iony tretei redaktsii" ["Vita of Metropolitan Jonah of the Third Edition"]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 2 (6), 2007, pp. 5–16. (In Russian).
- 16 Pageaux, Daniel-Henri. "De l'imagerie culturelle à l'imaginaire." *Précis de littérature comparée*, Paris, 1989, pp. 133–161. (In French)

Информация об авторе: Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

E-mail: 1609pm@gmail.com

Information about the author: Mikhail V. Pervushin, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

E-mail: 1609pm@gmail.com

Для цитирования: Первушин М.В. Имагологические контрасты древнерусской литературы (эволюция образа митрополита Ионы Киевского) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 179–200. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-179-200>

© 2024, М.В. Первушин

For citation: Pervushin, M.V. “Imagological Contrasts of Old Russian Literature (Evolution of the Image of Metropolitan Jonah of Kyiv).” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 179–200. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-179-200>

© 2024, Mikhail V. Pervushin